
РУСОФОНЫ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ДИАГНОСТИКА ПЕРЕМЕН В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т.П. Млечко

Кафедра славянской филологии
Славянский университет в Республике Молдова
ул. Флорилор, 28/1, МДА-2075

Статья посвящена проблеме бытования русского языка в зарубежном постсоветском пространстве как родного языка русофонов-билингвов и полилингвов, в частности рассмотрению характеристик их языковой личности в плане диагностики сохранения доминанты ее исконных идентификационных характеристик в условиях лингвокультурного влияния инонациональной среды и истончения ее русской составляющей. Симптомами маргинализации русской языковой личности (РЯЛ) являются такие лингвистические показатели, как увеличение количества агнонимов и национально-культурных лагун, которые следует рассматривать как сигнал к выработке соответствующих лингводидактических решений применительно к этапу формирования РЯЛ в ближнем зарубежье.

Ключевые слова: языковая личность, ближнее зарубежье, агнонимы, лагуны, маргинальность.

За последние четверть века языковая ситуация на постсоветском пространстве и русский язык в ней заметно изменились. В ближнем зарубежье сформировалось новое поколение носителей русского языка и приобрело новые характеристики поколения, получившее образование и социальный статус в советский период. Эти перемены предопределены целым рядом экстралингвистических факторов, которые привели к появлению так называемых *других русских*, к становлению новой типологической разновидности русской языковой личности (РЯЛ) с соответствующим комплексом лингвоментальных признаков.

Основной тенденцией языковой политики и практики стран ближнего зарубежья является продвижение и закрепление доминирующего статуса и положения государственных языков, что приводит к заметным количественным и качественным потерям в том, что касается национально-русского билингвизма, с одной стороны, и способствует становлению прежде мало распространенного русско-национального билингвизма — с другой. Для интегрирующихся в новый контекст русофонов стало насущной необходимостью знание языка страны проживания. Акцентирование этой задачи и заблуждение относительно того, что «русский мы и так будем знать», проявилось в усиленной заботе о формировании вторичной языковой личности и снижении внимания к исконной языковой личности носителей русского языка.

Отслеживая на протяжении многих лет общий характер языковых процессов в ближнем зарубежье и изучая синхронно их динамику и результаты на примере Республики Молдова, мы можем обоснованно утверждать, что языковую личность преобразует в равной степени не только влияние доминирующего лингвокультурного контекста, но и истончение связей самого разного плана с реальной Россией и русским миром как духовной субстанцией.

В центре внимания специалистов, как правило, оказываются факты заимствования и интерференции. Цель настоящей статьи — рассмотреть и вторую сторону проблемы, продемонстрировав те явления, которые свидетельствуют об ослаблении русской составляющей в наборе характеристик РЯЛ ближнего зарубежья или могут привести к вымыванию ее русскости. Основанием для привлечения внимания к данной проблеме и материалом для анализа и выводов стали примеры из речевой практики и экспериментальная работа с респондентами нового поколения русскоязычных жителей Республики Молдова, формирование которых в качестве ЯЛ представляет собой процесс в активной фазе, имеющий свою специфику.

Такой ракурс исследований актуален для языкознания в целом и его антропоцентрического направления, в центре которого ЯЛ, а также для расширения арсенала прикладных методов выявления и описания ее характеристик. Помимо этого важен лингводидактический аспект. Стремление к овладению несколькими языками или насущная необходимость использовать два или несколько языков в деловом и повседневном общении актуализировали не только поиск эффективных методических решений их преподавания (изучения), но и не менее сложную задачу формирования поликультурной ЯЛ носителя двух и более языков. Так, по отношению непосредственно к РЯЛ ближнего зарубежья важно научное обоснование лингводидактических стратегий, соответствующих вызовам сегодняшнего дня. Вызов состоит в том, чтобы те русофоны, которые де-факто с развалом Союза остались за ближними рубежами России и привержены своей русской языковой идентичности, полноценно сохраняли бы аутентичный облик РЯЛ и в новых поколениях.

По отношению в том числе и к ним актуальна проблема маргинальности, которая неизбежно возникает в связи с пребыванием личности в инокультурном окружении, а также при характеристике носителей двух или нескольких языков, поэтому она заслуживает внимания и применительно к исследуемой нами ЯЛ в полиэтничных государствах ближнего зарубежья.

Маргинальность в самом общем понимании этого слова обозначает состояние пограничности/периферийности по отношению к некоему инварианту с полноценным набором тех или иных качеств или признаков. Периферийное по отношению к России как центру русского мира положение ареала ближнего зарубежья, встроенного к тому же в инонациональный лингвокультурный контекст, порождает закономерный вопрос и опасения относительно маргинализации РЯЛ. Можно ли говорить о типичной РЯЛ ближнего зарубежья как о маргинальной РЯЛ?

Согласно определению понятия маргинальности, социологического по своему происхождению, которое предлагает Большой толковый словарь по культурологии, маргинальность — это «качественное состояние человека или группы людей, оказавшихся в силу определенных обстоятельств (миграция, межэтнические браки и др.) на грани двух культур; они участвуют во взаимодействии этих культур, но полностью не примыкают ни к одной из них, в результате чего формируется двойственное самосознание, возникает психическое напряжение и т.д.» [1].

Языковые параметры такой «межкультурной/мультикультурной личности», ее маргинализация, на наш взгляд, не абсолютное следствие множественной само-

идентификации. Заметим, что термин «маргинальная языковая личность» пока не имеет общепринятого научного определения. Констатация маргинальности ЯЛ требует специальной диагностики. Например, М.Е. Трубчанинова исследует феномен маргинальности ЯЛ по отношению «к инофонам, частично утратившим стереотипы родного языка и не приобретшим в полной мере эффективных новых стереотипов (стереотипов иностранного языка)». Изучая именно эту категорию билингвов, исследователь делает вывод о том, что «дискурсивность ЯЛ в инокультурной языковой среде носит выраженный амбивалентный характер... Компенсаторный механизм маргиналии воплощается на всех уровнях ЯЛ при коммуникативной подстройке под адресата (своеобразном коммуникативном тюнинге)» [6].

По определению В.И. Карасика, к маргинальным языковым личностям «относятся те, кто не владеет языковым минимумом, необходимым для того, чтобы считаться *своим* в данной культуре в целом (это, в основном, представители других культур), те, кто страдает отклонениями от общепринятого поведения (патологические случаи), а также те, кто намеренно нарушает этические нормы поведения, в том числе и речевого» [2]. Для нас актуальным является уточняющее примечание в скобках — «это, в основном, представители других культур», из чего следует, что таковыми могут быть и носители *своей* культуры.

Таким образом, мы обоснованно придаем значение данной проблеме. Из двух аспектов языковой маргинальности нас интересует не маргинальность ЯЛ как носителя нового языка, а возможность таковой по отношению к родному языку носителя. Отдавая проблеме маргинальности по максимуму на откуп психологам, социологам и культурным антропологам, мы все же считаем задачей лингвистики ответить на вопрос о том, в каких речевых характеристиках проявляется маргинальность РЯЛ.

Для выяснения этого вопроса в ходе решения задачи по реконструкции РЯЛ ближнего зарубежья как новой типологической разновидности мы пришли к выводу о необходимости учитывать не только то, что наличествует в речи носителей языка, но и то, что в ней системно явно отсутствует. Для этого в течение ряда лет проводились экспериментальные замеры с целью выявить зоны лакунизации, т.е. так называемые зоны возможных коммуникативных неудач. Результаты, полученные относительно лакун в ассоциативно-вербальных связях и в поле прецедентных феноменов РЯЛ ближнего зарубежья, нами уже введены в научный оборот [3; 4]. Однако для полноты картины и объективности общих выводов необходимо, на наш взгляд, иметь представление и о зонах агнонимической активности.

По определению В.В. Морковкина, «агноним — это лексическая или фразеологическая единица языка, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям» [5]. Наличие агнонимов характерно для лексикона любой ЯЛ, а их характеристика позволяет составить представление о специфике и коммуникативной компетенции индивида или языкового сообщества. Согласимся с мнением В.Д. Черняк о том, что понятие/термин «агноним» «удачно передает, с одной стороны, индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителя языка, а с другой — позволяет выявить типичные для современ-

ной языковой личности зоны агнонимической активности... то есть определить зоны „коммуникативного риска“, связанные с возможным непониманием коммуникантов» [7].

Поскольку в практике выявления агнонимов есть единая логика тестирования, но нет универсального материала и подхода к обобщению результатов, мы исходили в своих решениях из общих целей нашего исследования, направленного на выявление специфических черт РЯЛ ближнего зарубежья. В этом плане для нас представлял интерес материал, связанный, во-первых, с российскими реалиями (в том числе культурно-историческими), во-вторых, максимально отражающий язык современной коммуникации в России. Для этого мы использовали специально отобранные тексты из популярных в России печатных СМИ, язык которых, в отличие от устного вещания в эфирах радио и телевидения, в большей степени выверен в плане соответствия нормам литературного языка. Вместе с тем, в отличие от художественной и научной литературы, он ориентирован на среднего читателя, нацелен на привлечение его внимания, на диалог с ним в стилистике сегодняшнего дня. Пример такого текста — колонка в «Российской газете» (№ 268 от 28.11.2013) к 175-летию со дня рождения скульптора А. Опекушина «Академик из крепостных». Это сегодняшний сюжет об отсутствии памятника скульптору с информацией о нем. Агнонимами в этом тексте оказались: *династия, цесаревич, станковая живопись, венценосный (венценосный тезка), вольная, манифест* (об отмене крепостного права — без пояснения в тексте), *чин, нарком, монархист, ваятель*.

За период в несколько лет (2008—2013 гг.) нами был накоплен достаточный банк данных для того, чтобы сделать выводы о типичных случаях и характеристиках агнонимии у русскоязычных респондентов постсоветского поколения в отдельно взятой Республике Молдова. Однако для того, чтобы определить специфику агнонимов у РЯЛ ближнего зарубежья, их необходимо было сопоставить с российскими показателями. В качестве таковых мы использовали результаты аналогичного изыскания, проведенного исследователем из Петербурга В.Д. Черняк в российской молодой, как и в нашем случае, студенческой аудитории. Правда, участникам этого лонгитюдного эксперимента по выявлению агнонимов предлагался материал словарей, а не авторских текстов (1).

Вопреки нашим прогнозам сопоставление показало схожие по типу результаты. В том, что касается понимания молдавскими респондентами единиц, относящихся в большей мере к пассивному словарю (историзмов, архаизмов, диалектизм, этнизмов), мы предвидели наличие значительного числа агнонимов. В образовательных программах учебных заведений с русским языком преподавания в РМ предусмотрен интегрированный курс русского языка и литературы, а преподавание истории России вообще отсутствует. Отчасти проблему решает постепенно внедряемый курс «История, культура и традиции русского народа». Оказалось, что у молодых россиян проблем с толкованием лексических единиц, относящихся к вышеупомянутым категориям, не меньше. В этой связи можно говорить не только об отсутствии существенных различий между молодыми носителями русского

языка в России и ближнем зарубежье, но и о том, что лексикон ЯЛ этого поколения в целом характеризуется, как констатирует В.Д. Черняк, «заметным оскудением словарного запаса, связанным, прежде всего, с количественным сокращением и качественным изменением круга чтения, с экспансией экранной культуры» [7].

На втором месте по количеству агнонимов оказались лексические единицы с абстрактным значением, за ними — заимствования преимущественно последнего поколения, далее — часто употребляемые «новомодные» лексические единицы. Примеры: *толерантность, менталитет, бренд, кулуары, электорат, кворум, элитное образование, респектабельный, амбициозный, тенденции* и т.д. Об отсутствии языковой догадки и соответствующей эрудиции свидетельствуют агнонимы из числа тех, о значении которых можно догадаться по типичной словообразовательной модели: *гоголиана* — ср.: *лениниана, пушкиниана*.

К зонам так называемой естественной агнонимичности для зарубежных русских можно отнести окказионализмы «на злобу дня», коннотативно окрашенные, появившиеся в российской действительности как реакция на резонансные факты и события. Их представляется оправданным назвать лакунами, так как речь идет не столько о значении языковой единицы как таковой, сколько о ее социокультурном содержании, о фоновых знаниях, например: *депардировать, диссергейт, прикремленные, святобесие, антисиротский закон, узники Болотной* и т.п.

В эпоху мобильности и интенсивных языковых контактов, предполагающих владение не одним языком, вопрос о маргинальности языковой личности закономерен и актуален, в том числе применительно не только к вторичной и множественной, но и к исконной языковой личности. В этом контексте нами специально рассмотрены вопросы о наличии симптомов маргинализации при изучении характеристик типичной РЯЛ ближнего зарубежья, сформировавшейся за последние четверть века. Один из них — зоны агнонимической активности и социокультурной лакунарности. Результаты, полученные путем анализа и сравнения материала, накопленного нами в Молдове, с данными исследований российской аудитории позволяют на этом хронологическом срезе констатировать сохраняющееся в главных чертах «портретное» сходство геополитически разделенных РЯЛ нового поколения. Таким образом, наш ответ на вопрос о маргинальности РЯЛ ближнего зарубежья в настоящее время отрицательный, но есть немало фактов, которые позволяют говорить о тенденциях к маргинализации. При этом важно заметить, что РЯЛ изменилась в большей мере не по причине оторванности от России, а из-за резкого снижения общей и культурной грамотности *человека говорящего* по причине обеднения его словарного запаса в эпоху цифровых технологий.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Лонгитюдный эксперимент, предусматривавший обследование словарного запаса студентов-филологов 1 курса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, проводился на протяжении 1994—1998 гг. Студентам предлагалось проанализировать по две страницы «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [7].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большой толковый словарь по культурологии / Под ред. Б.И. Кононенко. — М., 2003. [Bolshoj tolkovyj slovar po kulturologi / Pod red. B.I. Kononenko. — M., 2003.]
- [2] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. — Волгоград, 2002. [Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost, koncept, diskurs. — Volgograd, 2002.]
- [3] Млечко Т.П. Русская языковая личность в ближнем зарубежье: специфика лингвокультурного тезауруса // Международный аспирантский вестник. — 2013. — № 1. — С. 23—28. [Mlechko T.P. Russkaya yazykovaya lichnost v blizhnem zarubezhe: specifika lingvokulturnogo tezaurususa // Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. — 2013. — № 1. — S. 23—28.]
- [4] Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья: Монография. — Кишинев, 2013. [Mlechko T.P. Russkaya yazykovaya lichnost blizhnego zarubezhya: Monografiya. — Kishinev, 2013.]
- [5] Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М.: Астра семь, 1997. [Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnomy (slova, kotorye my ne znam). — M.: Astra sem, 1997.]
- [6] Трубчанинова М.Е. Языковая личность в инокультурной среде: по данным русскоязычной технически опосредованной коммуникации носителей китайского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008. [Trubchaninova M.E. Yazykovaya lichnost v inokulturnoj srede: po dannym russkojazychnoj texniceski oposredovannoj kommunikacii nositelej kitajskogo yazyka: Diss. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2008.]
- [7] Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / РАН. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 295—304. [Chernyak V.D. Agnomy v leksikone yazykovoj lichnosti kak istochnik kommunikativnyx neudach // Russkij yazyk segodnya. Vyp. 2. Sb. statej / RAN. — M.: Azbukovnik, 2003. — S. 295—304.]

RUSSOPHONES OF THE NEAR ABROAD: DIAGNOSIS OF CHANGES IN THE THESAURUS OF LINGUISTIC PERSONALITY

T.P. Mlechko

Doctor of Pedagogy, Professor
The Chair of Slavonic Philology,
Slavonic University of the Republic of Moldova
Florilor str., 28/1, MDA-2075

The paper deals with the problem of the Russian language functioning in the post-Soviet area as a mother tongue for russophones — bilingual and polylingual ones, in particular. It reviews the characteristics of their linguistic personality diagnosing preservation of its dominant original identification characteristics under the influence of foreign linguocultural environment and the Russian component decreasing. The author considers such linguistic markers as the increasing number of agnonyms, xenonyms and national-cultural gaps to be the symptoms of marginalization of the Russian linguistic personality that should be considered as a signal to develop appropriate linguodidactic solutions as applied to the formation of the Russian linguistic personality in the near abroad.

Key words: linguistic personality, near abroad, agnonyms, xenonyms, gaps, marginality.